

Елена Лукашанец

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, Минск
elukashanets@rambler.ru

СПЕЦИФИКА УНИВЕРБАЦИИ ВО ВНЕЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ

Два различных понимания универбации – широкое и узкое – ставит перед исследователем вопрос о выборе одного из них. Ответ на этот вопрос обусловлен, прежде всего, типом языка (аналитический или синтетический); кроме того, важным оказывается учет материала внелитературных языковых подсистем, так как в устной некодифицированной речи максимально ясно проявляются те тенденции, которые заложены в самой языковой системе и которые нередко сковываются нормативным характером литературного языка. Материал русской внелитературной речи, представленный в онлайн-словарях сленга и разговорной лексики и в “Региональном словаре сленга”, позволяет выявить основные типы универбации, свойственные русскому языку, и определить некоторые условия создания универбатов. К таким условиям следует отнести, во-первых, характер исходного словосочетания (устойчивое или нет, каково по структуре), во-вторых – характер структуры самого универбата – (суффиксальное / усеченное).

Ключевые слова: универбация, производное слово, нулевая суффиксация, усечение, сленг

Two different understandings of univerbation, wide and narrow, confronts the researcher with the question of choosing one of them. The answer to this question is conditioned primarily by the type of language (analytic or synthetic). Also, it is important to consider the material of non-standard language varieties, because the non-codified oral speech clearly manifests the tendencies which are inherent in the language system and which are often constrained by the normative character of the standard language.

The material of the Russian non-standard speech presented in online slang and informal language dictionaries and in the “Regional Slang Dictionary” allows you to identify the main types of univerbation characteristic of the Russian language and to determine some of the conditions for creating univerbs. Such conditions should include, firstly, the nature of the original phrase (its sustainability and structure); and, secondly, the nature of the structure of the univerb itself (whether it is suffixal or truncated).

Key words: univerbation, derived word, zero suffixation, truncation, slang

1. Большинство работ по универбации начинается приблизительно такими словами: термин “универбация” можно понимать в узком и широком смысле. Подобная фраза, на наш взгляд, и верна, и не очень: указанный термин можно понимать в достаточно различных смыслах, и это понимание градуируется, варьируясь от максимально широкого (как любой процесс свертывания неоднословной номинативной единицы в однословную) до максимально узкого. Достаточно широких пониманий универбации много, и они могут различаться. Некоторые ученые (Лопатин 2003) включают в универбацию слова, образованные разными способами словообразования (аффиксацией, сложением, сокращением, сращением), а некоторые – также и семантические дериваты с сужением значения (*высокая температура* → *температура*) (Гак 1990; Копоть 2005; Николаев 2012); другие сосредоточивают свое внимание на аффиксации, но при этом в универбацию включают не только существительные, но и глаголы (Белюсова 2011; Нещименко 2000: 265). Кроме того, не всегда выдерживается и то, что лежащее в основе универбата словосочетание должно реально существовать в качестве воспроизводимой номинации, так как многочисленные примеры, приводимые в разных работах, свидетельствуют о том, что нередко универбату соответствует лишь интерпретативное сочетание, представляющее собой эксплицитное выражение внутренней формы (мотивировки) универбата.

Возможно, что для типологического неславянского или общего языкознания понятие универба, противопоставленное понятию мультиверба (по А. В. Исаченко), и имеет свой смысл, но для славянских и, в частности, русского языков, как языков с чрезвычайно развитой морфологической деривацией, термин универбация, если он обозначает что-то вроде стяжения, компрессии и т. п., нам кажется излишним. Другими словами, если понимать универбацию как любой процесс свертывания неоднословной номинативной единицы в однословную (с суффиксом или без, сложносокращенную и проч.), понятие универбации объединит почти все словообразовательные акты, что делает бессмысленным сам термин универбация.

Поэтому нам кажется более правомерным гораздо более узкое и довольно распространенное среди исследователей разных славянских языков определение универбации как типа суффиксального образования существительных, семантически мотивированных определительными сочетаниями. Нам также близка та точка зрения, что уни-

вербаты – это образования только от тех словосочетаний, которые являются официальными, устойчивыми наименованиями, см., например (Лопатин 2003).

Однако даже и при таком, достаточно узком, понимании универбации анализ конкретных языковых явлений ставит перед исследователями все новые и новые проблемы. Для решения некоторых из этих проблем обратимся к материалу внелитературной лексики русского языка, что нам представляется вполне оправданным с методологической точки зрения: именно в некодифицированных подсистемах с максимальной полнотой проявляются те тенденции, которые заложены в самой языковой системе и которые нередко сковываются нормативным характером литературного языка. Источниками материала исследования послужили в основном онлайн-словари русского сленга и разговорной лексики (Словарь молодежного сленга-[www](#); Словоборг-[www](#); Словоново-[www](#)), а также “Региональный словарь сленга” (Никитина, Рогалева 2006). Всего мы проанализировали 740 универбатов и близких к ним образований, различия между которыми будут показаны ниже. В нашем докладе мы не сосредоточиваем внимания на строгом разграничении различных внелитературных подсистем русского языка (общем сленге, молодежном жаргоне, просторечии, разговорной речи и т.д.), считая всех их проявлениями стилистики устной речи, не скованной строгими нормами. Во всяком случае сленг, представленный в указанных онлайн-словарях, составляет в настоящее время ядро внелитературной речи русского языка (Лукашанец 2016: 60).

Для окончательного уяснения того, что имеет смысл называть универбацией в русском языке, проанализируем характер обоих членов универбной пары: как исходное сочетание, так и сам универбат.

2. Как было уже сказано, обычно считается, что основной единицей, мотивирующей универбат, является определительное сочетание.

Наиболее ясные случаи встречаются а) сферах, которые достаточно близки к профессиональным, или б) в образованиях от имен собственных, особенно городских топонимов и эргонимов (названий учреждений). Например: а) *бутадионка* ‘бутадионовая мазь’ и *гепаринка* ‘гепариновая мазь’ (жаргон наркоманов), *полигонка* ‘полигонная игра (большая ролевая игра на специально оборудованной террито-

рии) и *павильонка* ‘павильонная игра (ролевая игра в помещении)’ (сленг геймеров) и б) *Гостинка* ‘Гостиный двор’, *Лиговка* ‘Лиговский проспект’. Отметим кстати, что, как и следовало ожидать, набор суффиксов, используемых при универбации, в сленге гораздо шире, чем в более близких к нормативному языку подсистемах: *артяга* ‘артиллерийское училище’, *абстяк* ‘абстинентный синдром’, *курсач* ‘курсовая работа’, *Павелюга* ‘Павелецкий вокзал’, *наркушка* ‘наркологическая больница’. Подобные перечни словообразовательных средств, используемых при универбации в сленге, можно найти в других работах (Барт 2010; Сунь 2016), поэтому мы не сосредоточиваемся на этом вопросе. Кроме того, следует учитывать, что недостатки субстандартной лексикографии приводят к тому, что нередко словарная дефиниция не эксплицирует универбный статус сленгизма. В этих случаях приходится прибегать к другим средствам. Например, в онлайн-словаре *материнка* трактуется как ‘объединительная, системная плата компьютера’, между тем как понятно, что *материнка* является универбатом от сочетания *материнская плата*. Другой пример: *квартирник* ‘домашний концерт’ на самом деле мотивируется широко употреблявшимся в определенный период сочетанием *квартирный концерт*.

К вышеперечисленным примыкают случаи, когда сленгизм формально мотивируется не прилагательным, а словом существительным, выполняющим в исходном словосочетании определяющую роль: *потребка* ‘магазин потребкооперации’, *молотуха* “‘коктейль Молотова’”; чаще всего таким существительным является фамилия. Особенно много здесь неофициальных городских топонимов: *Алтайка* ‘улица Алтаева’, *Лепешинка* ‘улица Лепешинского’, *Меркурьевка* ‘улица Меркурьева’, *Пуцинка* ‘улица Декабриста Пущина’, *Шафранка* ‘улица Шафранского’. Простота структуры мотивирующих сочетаний первого и второго типа способствует их устойчивости в речи, и это позволяет считать их **универбатами**.

Более сложной является ситуация, когда либо существительное, либо прилагательное не связано подчинительной связью с главным словом (существительным) исходного словосочетания: *груптовка* ‘преступление, совершенное группой’, *усилок* ‘ИТУ усиленного режима’. Нам кажется, что только если исходное сочетание достаточно устойчиво употребляется в профессиональной речи (как в немногочисленных примерах выше), можно говорить здесь об универбации. Однако

слова типа *подготовишка* ‘ребенок в подготовительной группе детского сада’ или *фольклорка* ‘ролевая игра по сюжетам фольклора какого-либо народа’ могли бы быть названы только **семантическими квазиунивербатами**, поскольку, будучи суффиксальными производными, они не соотносятся с определительными сочетаниями, как рассмотренные выше *гепаринка* и *меркурьевка*, хотя и формально воспроизводят модель универбации. Тем самым универбату здесь соответствует, по сути, лишь интерпретативное сочетание.

Кроме описанных случаев, в ненормированной речи можно найти и то, что мы назовем **семантическими псевдоунивербатами**: образования с суффиксом *-к(а)*, которым не соответствует никакое словосочетание с мотивирующим словом, при том что это слово лишь семантически (например, метафорически) связано с прилагательным (реже – существительным) исходного словосочетания (или мотивирующее слово является синонимом прилагательного). Так, маловероятно существование сочетания **сортирная бумага*, зато есть *туалетная бумага*, которая в сленге получает название сортирка. Ср. также похожие примеры *халявка* ‘бесплатная СМС с просьбой перезвонить’ (= **халявная СМС*), *нулёвка* ‘помещение в милиции, куда попадают граждане, задержанные “до выяснения”’ (= **нулевое помещение*), *неходячка* ‘человек, который малоподвижен, малоактивен в сетевых играх’ (= **неходячий игрок*). Таким образом, если семантические квазиунивербаты актуализируют связь с каким-либо, хотя и интерпретативным, словосочетанием, то у семантических псевдоунивербатов такая связь полностью отсутствует.

На наш взгляд, ни семантические квазиунивербаты, ни семантические псевдоунивербаты универбатами не являются и должны получить какую-то иную трактовку (см. рис. 1).

гепаринка подготовишка халявка
Меркурьевка фольклорка неходячка

←

универбаты семантические семантические
квазиунивербаты псевдоунивербаты

Рисунок 1

3. Мы рассмотрели проблемы, связанные со статусом мотивирующей универбат единицы. Теперь обратимся к самой этой единице, точнее к ее структуре. Самый главный вопрос возникает в связи с

т.н. ноль-суффиксальными образованиями, которые обычно также рассматривают в сфере универбации. Мы имеем в виду прежде всего слова типа *виртуал* ‘виртуальная реальность’ или *ненорматив* ‘ненормативная лексика’.

Первая, традиционная точка зрения на такие слова отражена в “Русской грамматике” 1980-го года, где сказано, что слова типа *интим*, *гуманитар*, *нелегал* и т.д. – это существительные с нулевым суффиксом, мотивированные прилагательными, причем добавляется, что “многие образования этого типа – синонимы словосочетаний с мотивирующими прилагательными в качестве определяющего слова: *синхрон*, *термояд*, *ультрафиолет*” (Шведова 1980: 225). Последняя цитата явно указывает на то, что такие слова могут считаться универбатами (напомним, что термина *универбация* в “Русской грамматике” нет). Отсечению в них подвергаются суффиксы прилагательных *-н-*, *-ск-* и др.: *адекват*, *брутал*, *казуал*, *коматоз*, *концептуал*, *креатив*, *легал*, *минимал*, *позитив*, *синхрон* и т.д. Как видно, чаще всего эти слова имеют иноязычный корень, хотя имеются и исконные единицы такого типа: *Загород* ‘Загородный переулок’.

Другая точка представлена, например, в работах Л. И. Осиповой, которая относит их к бессуффиксным универбатам, констатируя лишь их усеченный характер (Осипова 1999).

Первая точка зрения (ноль-суффиксация) нам кажется более обоснованной. Во-первых, аналогичному усечению производящей (мотивирующей) основы практически всегда подвергаются ноль-суффиксальные (да и вообще суффиксальные) отглагольные образования, причем нередко отсекается достаточно большая часть: *ремонттировать* → *ремонт*. Во-вторых, усечение по аббревиатурному образцу, или, точнее, “аббревиация как средство стилистической модификации”, – это способ образования существительных от других существительных (Шведова 1980: 256), в то время как рассматриваемые образования имеют в качестве производящих прилагательные. Тем самым слова типа *виртуал* и *ненорматив* с полным правом могут считаться универбатами.

Однако в сленге имеются в большом количестве не только такие образования. Сравним: *лаба* ‘лабораторная работа’, *двур* ‘двуручный меч’, *Ижы* ‘улица Ижорского батальона’, *Профа* ‘Профсоюзная улица’, *Тими* ‘улица Тимирязева’. Каков статус этих образований? В “Рус-

ской грамматике” в продолжение цитаты, приведенной выше, можно прочесть: “возможны и другие, нерегулярные усечения: ... *термояд...*, *кибер...*” (Шведова 1980: 255). Это, по сути, означает, что любое прилагательное, подвергшееся усечению и используемое в функции существительного, должно пониматься как ноль-суффиксальное.

Однако находить нулевой суффикс в таких словах нам все-таки не кажется правомерным. Тем самым слова типа *лаба* и *двур* следует признать образованными каким-то другим способом. Усечением? Однако, как было уже сказано, при усечении мотивирующими являются только существительные. Другим способом?

Мы склоняемся к точке зрения, изложенной в известной монографии И. С. Улуханова (Улуханов 1996: 31–35), в которой говорится о неморфемном усечении при мотивации прилагательным. При этом автор указывает, что в случаях типа *ахилл* ‘ахиллесово сухожилие’ мотивированное слово чаще всего приобретает грамматические свойства существительного, что, по-видимому, означает, что в состав форманта в данном случае входит еще одно словообразовательное средство – “перевод прилагательного в синтаксическую позицию существительного с изменением частеречного грамматического значения” (там же). Нулевого суффикса здесь нет, так как функция перехода в другую часть речи здесь уже выполняется не им.

Поскольку такие усеченные единицы образованы не суффиксацией, мы отнесем их не к универбатам, а к **формальным квазиунивербатам**.

Наконец, для некоторых усеченных слов возможно и другая трактовка. Речь идет о тех словах, которые, будучи семантически мотивированными определительным словосочетанием с прилагательным, формально совпадают с существительным, являющимся однокоренным с прилагательным, а нередко и мотивирующим к нему. Например, *стратегии* ‘стратегическая авиация’, *медицина* ‘медицинские препараты, применяемые в наркотических целях’. Ср. также сленговые топонимы: *Ботаник* ‘Ботанический сад’, *Влас* ‘Власьевская башня Псковского кремля’, *Кулак* ‘Кулаковский лес’, *Поганки* ‘музей-заповедник “Поганкины палаты”’, *Чудо* ‘Чудское озеро’.

Здесь нам кажется возможным вообще отрицать факт морфологической деривации и считать подобные образования дериватами семантическими, появившимися в основном в результате метонимии

или сужения значения. Некоторые же образования в результате подобного “усечения” совпадают со словами общелитературного языка, не связанными семантически с мотивирующими словами, а лишь формально им созвучные: *каша* ‘улица Кошевого’, *фабрика* ‘улица Фабрициуса’, *металлолом* ‘улица Металлистов’, *челюсти* ‘улица Челюскинцев’. Такие производные мы относим к результатам паронимической аттракции, под которой понимается “подбор для обозначения какого-то явления общелитературного слова, сходного по звучанию с другим социолектизмом, словом литературного языка или немотивированным словом, обозначающим это же явление. Подобранное словопароним может не быть однокоренным с исходным словом и имеет в ЛЯ другое значение, нежели исходное слово” (Лукашанец 2012: 158). Вследствие этого, такие слова могут быть признаны лишь **формальными псевдоунивербатами** (см. рис. 2). Тем самым различие между формальными квазиунивербатами и формальными псевдоунивербатами видится в том, что для первых единственно возможной является трактовка как морфологических дериватов, в то время как вторые предпочтительнее считать образованиями неморфологического характера.

виртуал лаба стратеги
ненорматив двур медицина

∅ (+усечение) усечение (+субстантивация) семантическая
деривация,
паронимическая
аттракция

универбаты формальные формальные
квазиунивербаты псевдоунивербаты

Рисунок 2.

Таким образом, максимально суженное понимание универбации и, соответственно, универбатов исключает как квазиунивербаты, так и псевдоунивербаты (формальные и семантические), оставляя в поле зрения дериватологов только два подтипа универбации: образования с материально выраженным и с нулевым суффиксами, мотивированные определительным словосочетанием устойчивого характера. На наш взгляд, именно первый подтип составляет чисто славянское деривационное явление.

В то же время в связи с ярко выраженной в последние десятилетия тенденцией увеличения продуктивности всех усеченных типов в русском словообразовании вообще и вследствие воздействия других языков (в первую очередь английского) расширяется сфера влияния ноль-суффиксального подтипа (да и вообще всех усечений), что, возможно, изменит и статус формальных квази- и псевдоунивербатов.

Литература

- Мария В. БАРТ, 2010: *Словообразовательные модели современного русского компьютерного жаргона*. АКД. Курск.
- Татьяна П. БЕЛОУСОВА, 2011: *Фразеологическая универбация в современном русском языке*. Каменец-Подольский: ПП Буйницкий О. А.
- Владимир Г. ГАК, 1990: Синтетизм. ЯРЦЕВА, В. Н. (гл. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Издательство “Советская энциклопедия”, 451.
- Лилия В. КОПОТЬ, 2005: *Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке*. АКД. Майкоп: Адыгейский государственный университет.
- Владимир В. ЛОПАТИН, 2003: Универбация. КАРАУЛОВ, Ю. Н. (ред.). *Русский язык: Энциклопедия*. Москва: Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”, 577.
- Елена Г. ЛУКАШАНЕЦ, 2012: *Словообразование в арго: система способов и типов деривации*. Saarbrücken: LAP LAMBERT.
- Елена Г. ЛУКАШАНЕЦ, 2016: Методология исследований русского сленга: новые источники. KORIAKOWCEWA, Elena (red. nauk.). *Współczesne językoznawstwo słowiańskie: teoria i metodologia badań*. Т. 2: Metody analizu i opisu jednostek leksykalnych i tekstowych. Siedlce: Academia Podlaska w Siedlcach, 51–60.
- Галина П. НЕЩИМЕНКО, 2000: Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии (на материале русского и чешского языков). OHNHEISER, Ingeborg (herausgegeben von). *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem*. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 253–270.
- Татьяна Г. НИКИТИНА, Елена И. РОГАЛЕВА, 2006: *Региональный словарь сленга: Псков и Псковская область*. Москва: ЭЛПИС.
- Геннадий А. НИКОЛАЕВ, 2012: Универбаты и субстантиваты в истории русского словообразования. ДРАГИЋЕВИЋ, Рајна (гл. ур.). *Творба речи*

и њени ресурси у словенским језицима. Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 245–254.

Людмила И. ОСИПОВА, 1999: *Активные процессы в современном русском словообразовании: Суффиксальная универбация, усечение.* АДД. Москва: Московский педагогический государственный университет.

Словарь молодежного сленга-www: <http://teenslang.su/>. Дата доступа: 02. 03. 2012.

Словоборг-www: <http://slovoborg.su/>. Дата доступа: 20. 02. 2012.

Словоново-www: <http://slovonovo.ru/>. Дата доступа: 24. 04. 2012.

Мяо СУНЬ, 2016: *Компрессивные номинации с предметной семантикой в русском жаргоне.* АКД. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Игорь С. УЛУХАНОВ, 1996: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация.* Москва: Институт русского языка РАН.

Наталья Ю. ШВЕДОВА (гл. ред.), 1980: *Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.* Москва: Наука.

Peculiar Properties of Univerbisation in Non-standard Language

For Slavic languages, as languages with a developed morphology, a narrow interpretation of *univerbisation* and, accordingly, *univerb* is more suitable, that is also confirmed by the material of Russian sociolects. The so-called “*ka*”- *univerbisation* is considerably developed there, i.e., the formation of nouns from sustainable adjective-noun collocations with the help of the suffix *-k(a)* and some other suffixes.

These sociolectisms may be viewed as the center of the field of univerbisation. Its periphery is formed, on the one hand, by suffixal derivatives of noun phrases with nouns in genitive; and, on the other hand, by univerbs with zero suffixation.

The other words, formally or semantically different from these types of derivatives, are excluded from the field of univerbisation and considered as either quasi- or as pseudo-univerbs (formal and semantic).

Quasi-univerbs, as derivatives close to univerbs, may be referred to the latter ones due to the recent decades’ distinct trend of increasing productivity for all types of truncation in the Russian word-formation in general and as a result of other languages influence (mainly English). Univerbs, in their turn, will remain outside the considered phenomenon.